

РУКОВОДСТВО Д Л Я СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

Пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы. Иоан. 10, 11.

Внимай себя и учению: и пребывай въ нихъ: сія бо творя, и самъ спасешия и послушающіи тебе. 1 Тим. 4, 16.

№ 14.

1860.

Мая 31-го.

Содержаніе: Поученіе о томъ, что и великіе грѣшники могутъ спастись.— Домашняя прислуга.— Мѣстный обычай въ г. Бѣлгородѣ въ праздникъ Пятидесятницы.— Приходская школа въ м. Мошнахъ.

ПОУЧЕНІЕ

О ТОМЪ, ЧТО И ВЕЛИКІЕ ГРѢШНИКИ МОГУТЪ СПАСТИСЬ, ГДѢ БЫ ОНИ НИ ЖИЛИ, ВЪ МОНАСТЫРѢ ИЛИ ВЪ МИРУ.

Слушатели! Почему это, сколько вамъ ни говоришь проповѣдей, сколько ни поучаешь, чтобы жили праведно и свято, вы не вразумляетесь, не слушаете наставленій, а живете такъ, какъ попало, какъ привыкли жить?— Говоришь, чтобы ходили въ церковь побольше, а васъ все мало, да мало; говоришь, чтобы въ воскресенье не работали, а вы затѣваете *помочи*, да пируете на нихъ; говоришь, чтобы не бранились скверными браями, не божились напрасно, не пересуждали поступки людей, не клеветали другъ

на друга, но вы вовсе не покидаете этого, вовсе не переменяетесь въ житьѣ. Что это такое? — Неужели вы думаете, что ужь какъ привыкъ жить, такъ ужь и не отвыкнуть, не спастись? Нѣтъ, не думайте сего, не принимайте въ свою голову подобныхъ мыслей. Я скажу: отъ грѣховной привычки, если только принудишь себя отстать отъ нея, станешь страшиться Бога, страшиться мученія въ огнѣ вѣчномъ, уготованнаго за грѣхи, непременно отстанешь; пойдешь на путь спасенія и—спасешься.

Были примѣры, что и величайшіе грѣшники, о которыхъ нельзя было и подумать, чтобы оставили свои незаконныя дѣла, оставили ихъ, пошли на путь спасенія и—спаслись.

Вотъ одинъ изъ нихъ:

Былъ одинъ разбойникъ, по имени Давидъ ⁽¹⁾. Жилъ онъ въ пустынь, подъ властію своею имѣлъ болѣе тридцати подобныхъ себѣ разбойниковъ, и съ ними убивалъ людей. Однажды, послѣ разбоя съ товарищами своими, сидѣлъ онъ на горѣ. Вдругъ пришли ему на мысль всѣ преступныя его дѣла, и, ужасаясь, какой страшный отвѣтъ нужно отдать за нихъ Богу, всталъ онъ съ мѣста, оставилъ всѣхъ бывшихъ съ нимъ и пошелъ къ монастырю. Тутъ постучался онъ въ ворота; привратникъ, отворивши ихъ, спросилъ, что ему нужно? — Разбойникъ отвѣчалъ: „хочу быть монахомъ.“ Тотъ доложилъ настоятелю, который, пришедши и увидѣвъ, что онъ уже старъ, сказалъ: „въ монастырѣ строгій уставъ, всѣмъ живущимъ въ немъ предписывается строгое воздержаніе; но ты старъ, тебѣ не снести его.“ Разбойникъ отвѣчалъ: „снесу всё, только прими меня.“ Настоятель опять повторилъ: „не снести.“ Тогда

---

(1) Пролог. подъ 6-мъ числ. сент.

разбойникъ отвѣчалъ: „знай, отець,—я тебѣ всю правду скажу,—я атаманъ разбойниковъ, пришелъ сюда оплакивать грѣхи, молиться; клянусь тебѣ, если не примешь меня, я иду опять на первое свое дѣло, приведу съ собою товарищей, убью тебя и всѣхъ, и разорю весь монастырь твой.“ Услышавъ такія рѣчи, настоятель принялъ его въ монастырь и сдѣлалъ монахомъ. Исполнилъ ли разбойникъ свое обѣщаніе теперь? Исполнилъ. Онъ сталъ строго поститься, сталъ смиряться предъ всѣми, весь умъ свой, всѣ мысли возносить къ Создателю міра и просить Его о прощеніи лютыхъ своихъ грѣховъ. Строгимъ исполненіемъ всего предписаннаго въ уставѣ монастырскомъ онъ дошелъ до того, что превзошелъ всѣхъ монаховъ, жившихъ въ томъ монастырѣ; всѣ удивлялись ему, всѣ брали съ него примѣры и поучались во спасеніи. И за такую свою жизнь получилъ отъ Господа даръ чудотвореній: онъ исцѣлялъ слѣпыхъ, хромыхъ и бѣсноватыхъ. Такимъ образомъ, поживши довольно времени, онъ перешелъ ко Господу угодникомъ.

Вотъ вамъ, братія, примѣръ покаянія великаго грѣшника и милосердія Божія къ грѣшнымъ! Смотрите, чего удостоился Давидъ, бывшій разбойникомъ. Ему простилъ Господь грѣхи и сподобилъ даже дара творить чудеса. Не думайте теперь, что Господь не проститъ и вашихъ грѣховъ, если пойдете на путь спасенія. Онъ проститъ васъ непременно, если станете поступать такъ, какъ разкажу я вамъ

Вы слышали о разбойникѣ Давидѣ, что онъ, бросивъ незаконныя дѣла свои, пошелъ въ монастырь, сдѣлался монахомъ и, проводя жизнь въ постѣ и покаяніи, молясь денно и ночью съ сокрушеннымъ и смиреннымъ сердцемъ, спасся. Вамъ, конечно, въ монастырь идти, быть монахами

не захочется; потому что у васъ есть семейства, имѣете дома, скотину, вообще всякую хозяйственность. Если бросить все это, бросить семейства безъ призрѣнія, безъ защиты, то они могутъ придти въ бѣдность, а въ бѣдности, пожалуй, будутъ роптать на Бога и на васъ. Но вы можете, и въ міру живя, нажить себѣ спасеніе, подобно монахамъ. А какъ это, — сей часъ объясню.

Въ монастырѣ, обыкновенно, предписывается уставомъ жить безвыходно, поститься, ходить къ службѣ Божіей неопустительно, не заниматься шумными, мірскими, какъ у васъ водится, бесѣдами, пересудами. Можете и вы здѣсь — въ міру вести такую жизнь. Именно: кто васъ побуждаетъ, на примѣръ, въ праздничные дни оставлять свои семейства, ходить изъ дома въ домъ, не ради братскаго общенія, но затѣмъ только, чтобы пировать съ своими сосѣдами и родными, затѣмъ только, чтобы предаваться нетрезвости и пьянству? Кто заставляетъ васъ, напившихся вина, пѣть срамныя пѣсни, сквернословить? Не отъ васъ ли самихъ зависитъ, не въ вашей ли волѣ состоитъ — уклоняться отъ сходбищъ, гдѣ, кромѣ пересудовъ, срамныхъ пѣсней и сквернословія, ничего не услышишь? Подлинно, все это отъ васъ самихъ зависитъ. Воспротивьтесь своей волѣ, принудьте себя оставаться больше дома и заниматься хозяйствомъ, или, если и бываете въ компаніи (въ этомъ нѣтъ еще грѣха), ведите себя скромно и трезво, въ бесѣдахъ спасительныхъ для души, полезныхъ для устроенія вашего хозяйства, для управленія вашими домашними; тогда вы и въ міру наживете спасеніе, какъ наживаютъ въ монастырѣ.

Я сказалъ, что въ монастырѣ предписано поститься. *Поститься* не значитъ того, чтобы ѣсть досыта постной пищи, какъ ведется въ нашемъ быту, а значитъ то, чтобы

по малости вкушать пищи, воздерживаться отъ горячительныхъ напитковъ, не принимать въ свою голову худыхъ мыслей, не предаваться влеченіямъ плоти,—кратко сказать подавлять въ себѣ всѣ преступныя страсти, какъ душевныя, такъ и тѣлесныя. Постясь такъ, вы по истинѣ будете поститься монастырскимъ постомъ.

Я сказалъ, что въ монастырѣ положено уставомъ неопустительно ходить къ службѣ Божіей и не заниматься мирскими бесѣдами. Про васъ скажу: вы строго не соблюдаете этого, мало васъ ходитъ къ службѣ Божіей. Заблаговѣстять ли въ колоколъ къ обѣднѣ, нѣкоторые изъ васъ, сошедшись къ какому нибудь дому, толкуютъ въ обѣдню о чемъ нибудь мірскомъ, домашнемъ, а часто вообще о пустомъ—безполезномъ, какъ бы отъ нечего дѣлать. Чѣмъ собираться въ обѣдню толпами около домовъ, пустые разговоры вести, лучше ходите къ службѣ Божіей всегда, слушайте со вниманіемъ, что поютъ или читаютъ, молитесь усерднѣе о грѣхахъ своихъ, вздыхайте объ нихъ. Вы чрезъ это наживете себѣ спасеніе, какое наживали и наживаютъ въ монастырѣ монахи, строго исполнявшіе и исполняющіе уставъ.

Я сказалъ еще, что въ монастырѣ запрещено заниматься пересудами. Въ вашемъ быту, знаю, пересуды есть первый разговоръ, первое слово въ бесѣдѣ. Вы, старушки, этимъ дѣломъ занимаетесь въ особенности. Лишь настанетъ только день воскресный, лишь успѣете пообѣдать, отправляетесь бродить по домамъ и тамъ пересуждаете всякаго человѣка. „Такой-то, или такая—то, говорите, то-то и то-то дѣлаетъ, такъ-то и такъ-то ведетъ себя; надо вывести его или ее наружу, или, какъ вы говорите, на свѣжу воду, чтобы знали всѣ люди.“ Чѣмъ празднословить, заниматься пересудами, судить чужіе поступки, лучше не говорить

пустыхъ словъ, лучше смотрѣть за своими дѣлами, лучше говорить и воздыхать о своихъ грѣхахъ. Когда будетъ страшный судъ, тогда Госнодь не спроситъ у насъ отвѣта за чужіе грѣхи, а будемъ отвѣчать только за свои собственные, будемъ отвѣчать какъ за празднословіе, такъ и за осужденіе. *За всякое слово праздное, говоритъ Госнодь, дадутъ они отвѣтъ въ день суда (Матѣ. 12, 36), и еще: не судите, да не судимы будете (Матѣ. 7, 1).*

Вотъ вамъ, братія мои, наставленіе, какъ жить въ міру и спастись. Поступайте же такъ, и вы спасетесь. Аминь.

Священникъ *Николай Бурдуковъ.*

ДОМАШНЯЯ ПРИСЛУГА.

Въ разговорѣ съ людьми, живущими, какъ говорится, своимъ домомъ, хозяйственно, часто можно слышать жалобы на прислугу, на ея лѣность, невнимательность, нечестность. Безъ прислуги обойтись невозможно, при самомъ скромномъ, особенно городскомъ бытѣ; а въ городахъ едва ли прислуга составляетъ не половину населенія. Значить, половина населенія, именно людскаго, никуда не годится, а другая, лучшая половина, должна отъ того терпѣть неудовольствія, отравляющія спокойствіе жизни. Отъ чего же не хороша эта рабочая часть населенія? Почему именно въ настоящее время не хороша, когда, говорятъ, прежде была лучше?

Кто имѣетъ нужду въ прислугѣ, для того очень важно найти причины такой порчи, чтобы устранить ее, по крайней мѣрѣ, въ своемъ домѣ. Кто имѣетъ обязанность заботиться не только о своемъ частномъ, но и объ общемъ благѣ, тотъ особенно долженъ вникнуть въ причины этого, чтобы своимъ вліяніемъ противодействовать злу, не маловажному во многихъ отношеніяхъ.

Явленіе очень странное. Часть населенія, слабѣйшая по своему положенію въ обществѣ, по своему развитію, по своимъ средствамъ къ жизни, заставляетъ терпѣть другую часть, сильнѣйшую. Здѣсь что—то не такъ. Самое возвращеніе прислуги, проявляющееся особенно рѣзко, по словамъ домохозяевъ, въ настоящее время, есть не причина, а слѣдствіе какой—то другой причины. Не заключается ли причина эта въ томъ, что только худшая часть низшаго класса населенія принимаетъ на себя обязанности домашней услуги, въ надеждѣ, при этомъ положеніи, легче удовлетворять своимъ дурнымъ склонностямъ? Нѣтъ, этого нельзя сказать. Съ одной стороны, тѣ изъ бѣдныхъ людей, которые сознаютъ за собой какой нибудь порокъ, понимаютъ очень хорошо, что, при осѣдлой жизни въ домѣ хозяина, каковъ бы онъ ни былъ, нельзя всегда удовлетворять любимой своей склонности, и ищутъ средствъ къ жизни въ поденной, въ заводской или фабричной работѣ, которая часто и лучше вознаграждается и доставляетъ болѣе свободы и независимости, тогда какъ домашняя прислуга, находящаяся подъ надзоромъ хозяевъ, часто не имѣя съ ранняго утра до поздняго вечера ни минуты свободной, нерѣдко должна отказываться отъ удовлетворенія даже невинныхъ и законныхъ потребностей. Съ другой стороны, кто изъ хозяевъ не замѣчалъ, что лица, въ первый разъ вступающія въ услуженіе, бываютъ гораздо лучше,

усердиѣ, благонадежиѣ тѣхъ, которые находятся въ услуженіи нѣскольکو лѣтъ, жили въ нѣсколькихъ домахъ?

Мы говоримъ только о свободной прислугѣ, которая по своему произволу избираетъ такой родъ жизни. А сколько есть у насъ, пока еще, такихъ, которые отъ рожденія до смерти неволей должны служить другимъ! На такъ называемую крѣпостную прислугу жалобъ едва ли еще не больше, чѣмъ на свободную, даже отъ тѣхъ, которые, если бы то зависѣло отъ нихъ, ни за что не согласились бы измѣнить дѣдовскому обычаю наполнять дома даровою прислугою, надъ которою они только что не имѣютъ права жизни и смерти, и которая, зная, что она обязана всю жизнь свою служить своимъ господамъ, съ малолѣтства приучается не служить или служить дурно. Говорятъ, прежде было не такъ; говорятъ, теперь уже выводятся вовсе эти образцы старинныхъ слугъ, которые, родившись и состарѣвшись въ домѣ господъ своихъ, готовы были жертвовать за нихъ жизнью, — не думая о себѣ, думали о благѣ и пользѣ господъ. Эти почтенные слуги, въ простотѣ сердца, съ гордостію исполняя свои обязанности, внушали тоже и молодому поколѣнію слугъ; но ихъ наставленія, ихъ примѣръ остаются недействительными, и опять таки въ настоящее время. Теперь мало того, что не полагаютъ всей души въ томъ, чтобы угодить господамъ, крѣпостные слуги заражены мыслию о волѣ, думаютъ, что и они могутъ быть свободны, а пока еще не получили свободы, думаютъ, что могутъ заботиться и о себѣ, а не исключительно о господахъ. А когда зайдетъ въ голову такая мысль, какая ужъ тутъ служба! — И свой крѣпостной слуга хуже всякаго наемпаго; съ нимъ ничего нельзя сдѣлать.

Бѣдные господа, бѣдные хозяева!.. Сколько намъ приходится терпѣть отъ этой дурной прислуги, предки

которой были гораздо лучше! Мы имѣемъ возможность и теперь еще видѣть дома, гдѣ хозяева почтенные старики, окружены не менѣе почтенною прислугою, живущею не только по крѣпостному праву, но и по найму нѣсколько десятковъ лѣтъ въ одномъ домѣ, — женщинъ, бывшихъ няньками отцевъ и матерей и остающихся няньками ихъ дѣтей, мужчинъ, бывшихъ въ услуженіи малолѣтнихъ дѣтей хозяина, теперь прислуживающихъ его внукамъ. Но эти случаи уже рѣдкость.

Однако жъ, вина несостоятельности нашихъ слугъ всею ли тяжестію своею падаетъ на нихъ однихъ, нисколько не касаясь самихъ господъ? Не бываетъ ли иногда, что молодые господа старыхъ слугъ, вѣрой и правдой служившихъ ихъ отцамъ и дѣдамъ, тяготятся ими, и не смотря на вѣрную службу, едва терпятъ ихъ, между тѣмъ какъ жалуются и на молодую прислугу? Не случается ли, что, искавши себѣ новой прислуги, мы слышали похвалу тому или другому лицу, а у себя видимъ, что оно не хорошо? Не доводится ли иногда отъ этой новой прислуги слышать похвалы, воспоминанія о своихъ прежнихъ господахъ, высказываемыя какъ бы въ укоръ настоящимъ? И въ подобныхъ случаяхъ, нельзя не сознаться, намъ чувствуется какъ-то неловко, даже досадно, когда прислуга самымъ вѣжливымъ и скромнымъ тономъ воспоминаетъ о томъ, что въ прежнихъ домахъ, гдѣ она жила, видѣла то-то и то-то, подразумѣвая, что здѣсь у новыхъ господъ нѣтъ ей того. Отъ чего жъ у насъ не стаетъ равнодушія спокойно выслушивать подобныя замѣчанія нашей прислуги, если мы сознаемъ себя совершенно правыми предъ нею?..

Значить, мы винимъ прислугу, прислуга — насъ. На чьей же сторонѣ правда? Конечно, по бессознательному сужденію большинства, у сильного всегда безсильный вино-

вать; но кто захочет безпристрастно и добросовѣстно самъ посмотрѣть на дѣло или послушать добрыхъ внушеній, тотъ пойметъ, что, въ большей части случаевъ, мы, считающіе себя и умнѣе и образованнѣе, не говоримъ уже, благороднѣе во всѣхъ смыслахъ этого слова, виноваты не только въ общемъ неодобрительномъ, дѣйствительно, поведеніи нашей прислуги, но часто и въ опредѣленныхъ, частныхъ проступкахъ ея, такъ возмущающихъ насъ противъ всего класса домашней прислуги.

Значить, въ самихъ господахъ и владѣльцахъ нужно прежде всего искать средствъ сдѣлать прислугу лучше, возратить ее, если можно, въ ея нравственныхъ качествахъ, на тотъ путь, на которомъ стояла она въ доброе старое время

Что жъ это за средство? Средство, если угодно, и очень легкое и очень трудное. Нужно сдѣлаться внимательнѣе къ прислугѣ, человѣчнѣе въ обращеніи съ нею. Это можетъ показаться страннымъ. Многие скажутъ: неужели насъ въ настоящее время нужно упрекать въ недостаткѣ *гуманности*, въ грубомъ обращеніи съ прислугой, когда мы такъ глубоко понимаемъ достоинство человѣческое, когда, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ классахъ нашего общества, гдѣ, по правиламъ высшей *цивилизациіи*, дѣтей приучаютъ говорить на родителей *ты*, къ прислугѣ и родители и дѣти относятся съ вѣжливымъ *вы*? Какъ намъ быть внимательнѣе къ своей прислугѣ? Неужели исполнять всѣ ея желанія? Неужели вступать съ нею и допускать ее вмѣшиваться въ наши разговоры съ родными и знакомыми?

Нѣтъ, мы разумѣемъ не такого рода внимательность; она и неестественна и бесполезна. О различіи *гуманности* наружной и сердечной нечего и говорить. А пониманіе человѣческаго достоинства у насъ, едва ли не до сихъ

поръ, относится только къ намъ самимъ, да развѣ къ людямъ равнымъ съ нами по положенію въ обществѣ. Для нашей меньшей братіи, облегчающей наши труды домашней жизни, у пасъ не достаетъ этихъ прекрасныхъ качествъ людей въ истинномъ смыслѣ образованныхъ и христіанъ.

Посмотримъ, каково положеніе прислуги, въ настоящее время, въ большей части домовъ; мы не говоримъ: во всѣхъ, — какъ хорошаго, такъ и дурнаго нельзя искать въ равной мѣрѣ у всѣхъ.

Беремъ, для примѣра, средній классъ городского населенія. Въ домѣ, занимаемомъ семействомъ, состоящимъ изъ мужа и жены, съ малолѣтними дѣтьми, при самомъ ограниченномъ бытѣ, прислуга состоитъ изъ трехъ душъ, при не много большихъ средствахъ, — изъ четырехъ и пяти душъ мужчинъ и женщинъ. Всѣ эти лица служатъ по найму, слѣдовательно добровольно выбрали и родъ занятій и домъ. Впрочемъ, подъ словомъ *добровольно* мы разумѣемъ только то, что они не терпѣли физическаго, вишняго принужденія, когда принимали на себя обязанности, соединенныя съ званіемъ слуги; а все-таки должны сказать, что горькая злая неволя — пужда въ честно заработанномъ кускѣ хлѣба, въ тепломъ углѣ для пристанища, въ правильной жизни, заставила ихъ подчинить свою волю волѣ господь. Что же они видятъ въ возмездіе за эту рѣшимость? Мы представляемъ себѣ домъ благоустроенный, хозяевъ — людей порядочныхъ, слѣдовательно съ злымъ напѣреніемъ не притѣсняющихъ свою прислугу (да съ наемными нельзя и сдѣлать этого). Въ такомъ домѣ жалованье улачивается исправно, время отъ времени сверхъ жалованья добрые хозяева дѣлаютъ подарки, не морятъ свою прислугу голодомъ (чего и нельзя дѣлать съ людьми, не состоящими въ крѣпостномъ отношеніи къ своимъ господамъ). Исполняя

все это, хозяева думают, что они исполнили свой долг по отношенію къ прислугѣ и съ огорченіемъ замѣчаютъ, что то или другое лице изъ прислуги, а иногда и всѣ не оказываютъ полного, самоотверженнаго усердія къ нимъ. „Пародъ“, говорятъ, „испорченный, нѣтъ никакого чувства благодарности, привязанности.“ — Да все ли тутъ, за что можно требовать особенной благодарности? Есть ли здѣсь то, почему бы прислугѣ привязываться душою къ этимъ добрымъ господамъ? Вѣдь они для прислуги дѣлаютъ только то, чего не могутъ не дѣлать. И между прислугой и господами существуютъ самыя натянутыя, холодныя отношенія взаимнаго интереса. Но самое черствое, самое холодное сердце требуетъ хоть иногда чего-то больше, нежели одного интереса. Человѣкъ, такъ называемый, образованный, можетъ замѣнить, облегчить неизбежное въ подобномъ безучастіи одиночество души чтеніемъ, размышленіемъ, безкорыстнымъ стремленіемъ къ какой нибудь высшей цѣли, но и онъ, не находя ни гдѣ привѣта и сочувствія лучшимъ проявленіямъ своей души, отчуждается отъ общества и долженъ имѣть слишкомъ большой запасъ душевной силы, чтобы не пасть въ этой борьбѣ съ равнодушіемъ, еще болѣе, съ недоверчивостію, недоброжелательствомъ окружающихъ его. Чего же вы хотите отъ людей простыхъ, съ дѣтскимъ смысломъ о многихъ вещахъ, съ нравственною невозможностію находить облегченіе своего одиночества въ высшихъ цѣляхъ? А таково именно одиночество людей, ищущихъ средствъ къ жизни въ услуженіи другимъ.

Вы заплатили имъ деньги, вы не выскрываете предлоговъ на каждомъ шагѣ болѣе или менѣе рѣзко высказывать имъ свое неудовольствіе; но развѣ этимъ все сдѣлано? Далеко не все. И вашъ слуга и ваша служанка, даже по вашему названію, „моди“, слѣдовательно и имъ не чужды человѣческія

чувства, человѣческія желанія, и ихъ душа просить себѣ пищи, и чѣмъ свѣжѣ эти люди, тѣмъ сильнѣе поражаетъ ихъ недостатокъ этой пищи; только больные не имѣютъ аппетита. А позаботились ли вы объ этой пищѣ? Заявили-ль вы чѣмъ нибудь свое участіе къ нравственнымъ требованіямъ этихъ лицъ, близкихъ къ вамъ ежеминутно? Конечно нѣтъ! Хозяинъ: человѣкъ серьезный, занятый своимъ дѣломъ, — прислуга очень рѣдко видитъ его дома и свободнымъ, — чтобы кто нибудь изъ нея рѣшился приступить къ барину съ своимъ вопросомъ, съ своими сомнѣніями и недоумѣніями, выходящими изъ круга обязанностей слуги. Хозяйка женщина образованная, умная, значитъ тоже проводить время не праздно; она занята съ дѣтьми, читаетъ, работаетъ, принимаетъ гостей, сама бываетъ въ обществѣ, притомъ хотя добра и ласкова, но держитъ себя такъ по барски, что и съ ней нельзя заговорить, не имѣя увѣренности въ дѣльности своего разговора; а гдѣ же взять этой увѣренности, когда простой человѣкъ такъ привыкъ считать себя темнымъ, ничего незнающимъ, а знанія набратъся негдѣ? Другая барыня, пожалуй, еще добрѣе, безирестанно разговариваетъ съ прислугой, но, Боже мой! что это за разговоры? Даже простой смыслъ *людей* понимаетъ, что отъ такой разговорчивой нечего и ждать разрѣшенія своихъ душевныхъ вопросовъ. А для души убогой одиночество еще страшнѣе, и потому эти люди охотно или по необходимости продавшіе свою волю, не видя со стороны господъ полного возмездія, спѣшатъ по своему разумѣнію воспользоваться тѣмъ не большимъ остаткомъ ея, какой находится въ ихъ распоряженіи. Еще хорошо, если эти нѣсколько человѣкъ, совершенно-случайно сошедшихся въ одномъ домѣ, не находятъ поводовъ къ враждѣ между собою; тогда они имѣютъ возможность въ своемъ домаш-

нѣмъ кружкѣ находить отдыхъ отъ труда, сильное обсужденіе своихъ мыслей. Но и это хорошо только для нихъ, а не для хозяевъ. Видя полное равнодушіе къ себѣ, слуги платятъ тѣмъ же; въ этомъ не большомъ обществѣ составляется, какъ бы, заговоръ противъ господъ. Оно исправно въ своихъ обязанностяхъ, но отъ исправности дышетъ нестерпимымъ холодомъ, притворствомъ, желаніемъ сдѣлать какъ нибудь, чтобы скорѣе имѣть возможность отвести душу въ своемъ кружкѣ, среди бѣдныхъ, но, еще слава Богу, если не порочныхъ, разговоровъ. А если и здѣсь нѣтъ мира, тогда каждый по мѣрѣ силъ ищетъ утѣшенія внѣ дома, и тогда—горе хозяевамъ самымъ порядочнымъ! Мало того, что каждый шагъ ихъ будетъ предъ посторонними пересужень и оцѣнень по своему, они уже вовсе лишаются надежной прислуги. Отъ равнодушія къ нерадѣнію, отъ нерадѣнія къ постоянной лѣности, отъ лѣности къ недостатку честности переходы скоры, и бѣдные хозяева должны терпѣть прислугу негодную, только потому, что не имѣютъ возможности замѣнить ее лучшею, даже нѣкоторымъ изъ этихъ негодныхъ людей повѣрять самое дорогое въ семействѣ—постоянный уходъ и надзоръ за дѣтьми. Что это за уходъ, что за надзоръ, понять не трудно; а дѣти такъ переимчивы... И все это зло умные, добрые, порядочные хозяева могли бы отвратить или ослабить, если бы они не забывали, что и у людей есть душа, что эта душа, чѣмъ мелочнѣе ея ежедневныя занятія, тѣмъ болѣе требуетъ поддержки, руководства для сохраненія, для разъясненія тѣхъ добрыхъ началъ, какія есть въ каждой, особенно простой душѣ.

Но всѣ ли еще хозяева такъ порядочны, какъ изображенные нами? Сколько есть такихъ, которые, при всей гуманности въ обществѣ, рѣшительно безчеловѣчны дома!

Они смотрят на прислугу, какъ на служебныя машины. Малѣйшая неисправность этой машины вызываетъ строгія замѣчанія, или, что еще нестерпимѣе, безпрестанное, по-видимому и тихое, но желчное, острое напоминаніе, такъ что бѣдный слуга не имѣетъ ни минуты душевной ясности, покоя. Этого рода господа считаютъ унижительнымъ для своего достоинства думать о слугахъ, знать ихъ быть, какъ только они исполнили свою дневную службу. Бѣдные слуги! они и ради бы сдѣлать какъ лучше, но постоянная гроза, постоянная мысль о томъ, что и то и другое не такъ, что вѣрно не угодишь барину, отнимаетъ у нихъ послѣднюю долю сообразительности, и, освободившись на нѣсколько часовъ отъ исполненія своихъ обязанностей, они не освобождаются сей-часъ же отъ этого состоянія нравственнаго оупѣнія, а въ такомъ состояніи трудно разсуждать о добрѣ и злѣ, съ ихъ послѣдствіями. Несчастный радъ бывасть встрѣтить хоть искру сочувствія къ своему положенію, какъ бы это сочувствіе ни выразалось, и, въ благодарность за него, платится нерѣдко и плодами своей бережливости, которые идутъ на матеріальное утѣшеніе въ горести, и приобрѣтеніемъ привычки къ такому утѣшенію, и честію и спокойствіемъ всей жизни. И все это дѣлается такъ легко, такъ незамѣтно при совершенной невнимательности хозяевъ къ нравственности прислуги, если она не вредитъ ихъ интересамъ. Взаимная порочная зараза такъ легка, при той близости, въ какой, по невнимательности хозяевъ, живутъ люди разныхъ характеровъ, разныхъ половъ. И изъ людей, которые начинали свою службу съ добрыми и честными намѣреніями, чрезъ нѣсколько лѣтъ, послѣ нѣсколькихъ перемѣнъ хозяевъ, образуются люди ни къ чему дѣльному неспособные. Случается такому въ теченіи долгой скитальческой жизни попасть и

къ господамъ истинно добрымъ и внимательнымъ; но онъ потерялъ уже способность принимать добрыя внушенія. Иногда какъ будто и проснется въ душѣ что-то давнее, доброе, но привычка беретъ перевѣсъ; а господамъ и самымъ добрымъ нѣтъ возможности посвятить свою жизнь, свое время на исправленіе худой прислуги. И вотъ равнодушіе и невнимательность однихъ, утонченное безчеловѣчіе другихъ приносятъ горькій плодъ. Слабая, лишенная, не по своей волѣ, просвѣщенія душа гибнетъ на вѣкъ, теряя все лучшее для себя и во времени. Что прежде казалось удовлетвореніемъ законному требованію наполнить душевную пустоту, пайги утѣшеніе, то дѣлается порокомъ, развратомъ, сопровождается нищетой, нерѣдко преступленіемъ, погибелью временною и вѣчною.

Кто виноватъ въ этомъ?...

Такова нерѣдко жизнь людей нанятыхъ, имѣющихъ возможность перемѣнять мѣсто. А что сказать о крѣпостныхъ? Это хотя тоже люди, но для многихъ еще, и притомъ представляющихъ себя *цивилизованными*, а иногда даже, что особенно странно, для убѣжденныхъ въ своемъ благочестіи, для считающихъ въ себѣ, а особенно въ другихъ, грѣхомъ нарушеніе малѣйшаго религіознаго обряда, эти люди — хамово отродье, которому даже нѣтъ имени, кромѣ презрительной клички или исковерканнаго полуимени, въ которомъ нельзя узнать христіанскаго имени, могущаго напомнить человѣку, что онъ получилъ его во св. Крещеніи, что онъ такой же христіанинъ, какъ и его господинъ. Такіе господа, а не люди, думаютъ, что *людей* нужно держать всегда въ страхѣ, что грамотность для нихъ — огонь и ножъ въ рукахъ ребенка, что мысль о свободѣ ихъ противна и религіи и государству. Какихъ же слугъ должно ожидать у такихъ господъ?

И „нѣтъ теперь хорошей прислуги, какая была въ доброе старое время.“ И не замѣчаютъ, что, хваля старое время, вдвое осуждаютъ себя. Иные были слуги, значить иные были господа. Впрочемъ, за чѣмъ намъ брать всю вину на себя? Нѣтъ, не сами мы выучились такъ смотрѣть на свою прислугу; мы научились этому отъ отцевъ, отъ дѣдовъ, и только не можемъ еще, или не хотимъ перестать. А было дѣйствительно давнее время, о которомъ говорится только въ священныя книги, когда рабы были какъ домочадцы у господина своего, раздѣляли съ нимъ участіе въ богослуженіи, могли за вѣрную службу получить усыновленіе. Ближе къ намъ другое старое время, когда великій Апостоль языкъ, отсылая новокрещеннаго бѣглаго раба къ его господину, просить господина того принять возвращеннаго бѣглеца не какъ раба, но какъ возлюбленнаго брата, потому что и онъ также крещенъ. Было, говорятъ, время не только у насъ на Руси православной, но и на Западѣ, когда, по истинно-христіанскому обычаю, домашняя молитва совершалась всѣми жившими въ домѣ, съ участіемъ въ ней и прислуги. Конечно, кое—гдѣ и теперь существуетъ этотъ обычай, хотя очень и очень рѣдко. Мнѣ рассказывала пятидесятилѣтняя женщина, со слезами на глазахъ, о своей помѣщицѣ, которая, не смотря на свою молодость, значительное положеніе въ обществѣ, среди неизбѣжныхъ развлеченій городской жизни, находила досугъ бесѣдовать съ своей прислугой о спасительныхъ истинахъ христіанства, рассказывать простыя, но трогательныя священныя исторіи, — и нужно видѣть, съ какою теплотою, съ какимъ искреннимъ чувствомъ эта женщина вспоминаетъ о своей доброй помѣщицѣ, чрезъ 10 лѣтъ, послѣ ея смерти. За то и теперь эта старушка, проживши столько лѣтъ въ разныхъ домахъ, и у православныхъ и

у иновѣрцевъ, слышавшая впоследствии сужденія противныя тому, что говорила ей помѣщица, осталась вѣрною памяти своей первой госпожи и, усердно исполняя свои обязанности, вспоминаетъ, что такъ поступать учила ее покойная барыня.

Это, конечно, одинъ изъ многихъ подобныхъ примѣровъ, изъ которыхъ можно рѣшительно заключить, что искреннее наставленіе господъ, при ихъ добромъ примѣрѣ, есть самое лучшее средство предохранить прислугу отъ нравственной порчи.

Другое не менѣе, если еще не болѣе дѣйствительное средство къ исправленію прислуги есть возможно частое посѣщеніе ею храма Божія. Пусть здѣсь не все понятно простому человѣку, но очень важно то, что, входя въ церковь, онъ отрѣшается отъ ежедневной мелочной суеты, въ душѣ его какъ бы освѣжается все добро, къ какому онъ способенъ. Укажемъ еще на другой примѣръ: въ одномъ православномъ семействѣ одна изъ служанокъ католичка. Въ первое время по поступленіи въ этотъ домъ, замѣчанія хозяина, почему она рѣдко ходитъ въ костель, она, кажется, принимала за насмѣшку, по крайней мѣрѣ, въ ней замѣтно было замѣшательство; но потомъ, убѣдившись въ искренности, она чаще стала ходить въ костель, бываетъ и въ православной церкви, сравниваетъ, спрашиваетъ хозяина о томъ, чего не понимаетъ у себя и у насъ. Каждый разъ, собираясь въ церковь свою или нашу и возвратившись оттуда, она еще съ большимъ усердіемъ исполняетъ свои обязанности.

А сколько есть такихъ примѣровъ!..

И между тѣмъ большинство господъ нисколько не думаетъ объ этихъ средствахъ. Вѣдь нельзя представить, чтобы такіе господа вовсе не имѣли религіознаго духа,

чтобы никогда въ домашней бесѣдѣ не касались, съ добрымъ намѣреніемъ, религіозныхъ вопросовъ. За чѣмъ же скрыватьсь отъ прислуги съ такимъ добромъ, за чѣмъ не допускать къ слушанію благочестивыхъ разговоровъ? Не ужели этому мѣшаетъ гордое убѣжденіе, что доступное нашему пониманію недоступно пониманію низшаго класса? Если только это, то совершенно напрасно; св. истины нашей вѣры таковы, что понятное въ нихъ самому развитому уму доступно и уму самому простому, а непостижимое для простаго ума равно непостижимо и для мудреца.

Но по большей части такая незаботливость о духовныхъ нуждахъ прислуги происходитъ отъ невнимательности господъ. Многіе ли изъ нихъ позаботятся узнать, какъ часто ихъ прислуга бываетъ въ церкви, что она вынесла оттуда добраго? А сколько есть такихъ, которые вовсе не пускаютъ слугъ въ церковь, потому что нужно дома сдѣлать то или другое!

Гдѣ же слуга научится чему нибудь истинно-доброму? Дома, тѣ, которымъ бы онъ повѣрилъ, какъ болѣе знающимъ, не удостоиваютъ вступать съ нимъ въ подобные разговоры, да, можетъ быть, и между собою никогда не разговариваютъ о духовномъ; въ церковь не пускаютъ или пускаютъ раза три въ годъ. И по неволѣ, бѣдный слуга, пока его занимаютъ вопросы вѣры, долженъ пользоваться превратными толками какого нибудь невѣжи, а потомъ и вовсе заглушаетъ въ себѣ религіозныя движенія духа. И то и другое вредно отзывается на нравственности слуги.

Между тѣмъ зло растетъ и распространяется. Вопросъ объ уничтоженіи его принимаетъ обширѣйшіе размѣры. Дѣло идетъ уже не о частной выгодѣ того или другаго хозяина, а о спасеніи или гибели едва не половины христіанскаго населенія городовъ и селъ. Значить, вопросъ близко

касается священниковъ. Да, близко и ближе, нежели обыкновенно думаютъ. Священники—учители, а учение потребно, конечно, для незнающихъ. Но что могутъ сдѣлать священники въ этомъ случаѣ? Прислугу господъ своихъ они такъ рѣдко видятъ въ церкви, въ назидательные разговоры могутъ вступать только во время исповѣди. Да и въ это время, скорѣе всего можно ожидать, что пришедшій на исповѣдь вовсе не понимаетъ, что и для чего онъ дѣлаетъ, и потому въ это короткое время его почти невозможно чему нибудь научить, и бѣдный слуга отходитъ съ тою же духовною нищетою, съ какою приходилъ. Случится ли священнику быть въ домѣ прихожанъ, гдѣ большинство населенія составляетъ прислуга, — развѣ дозволятъ прислугѣ принять участіе въ общей господской молитвѣ или услышать отъ священника слово назиданія собственно къ ней относящееся? Конечно, нѣтъ. Посѣщая дома прихожанъ, многіе ли священники заходятъ въ комнаты, занимаемыя прислугой, чтобы и ей обычной молитвой возвѣстить начало праздника, чтобы ближе узнать духовныя нужды и нравственное состояніе и этой части своихъ прихожанъ? Да въ этомъ едва ли и можно винить священниковъ. Одни изъ господъ, изъ ложно-понятаго уваженія къ священнику, вслѣдствіе отговариваютъ его отъ этого излишняго по ихъ понятіямъ труда; другіе, пожалуй, подумаютъ, что священникъ, не довольствуясь ихъ благодарностію за посѣщеніе, хочетъ получить еще и отъ прислуги; а третьи иной разъ вовсе не примутъ священника и къ себѣ: какъ же ему идти къ прислугѣ, не опасаясь, что и въ прислугѣ можетъ встрѣтить онъ такое же невниманіе къ себѣ, какъ и въ господинѣ, только еще въ болѣе грубой формѣ? Въ не многихъ рѣдкихъ случаяхъ, напр., тяжкой болѣзни или смерти кого либо изъ прислуги, въ домѣ хозяевъ священникъ имѣетъ возможность видѣть

всѣхъ домашнихъ, въ ихъ собственномъ помѣщеніи, гдѣ собственно и образуется такой или другой характеръ слуги. Но эти случаи рѣдки, да и при нихъ священникъ большею частію долженъ ограничиваться только исполненіемъ того, за чѣмъ приглашенъ; продолжительное пребываніе его, еще болѣе, продолжительный разговоръ отвлекли бы прислугу отъ урочныхъ работъ, на что, конечно, не всякій священникъ рѣшится изъ состраданія къ самой же прислугѣ.

Все это извиняетъ священника въ недостаткѣ попеченія о низшемъ классѣ своихъ прихожанъ, но не освобождаетъ его отъ обязанностей по отношенію къ нимъ; напротивъ, чѣмъ болѣе препятствій, тѣмъ болѣе онъ долженъ усугублять вниманіе, чтобы всѣми зависящими отъ него средствами содѣйствовать просвѣщенію и нравственному улучшенію класса домашней прислуги. Не много средствъ въ распоряженіи священника, но за то, при доброй волѣ и умѣньи, они всегда въ его распоряженіи и всегда будутъ самыми дѣйствительными. Собственный примѣръ и наставленіе не могутъ всегда оставаться безъ вліянія.

Нѣтъ нужды говорить, что священникъ въ своемъ домѣ, въ обращеніи съ собственной прислугою долженъ служить образцомъ надлежащихъ отношеній къ 'слугамъ. Въ этомъ, благодареніе Богу, у насъ нѣтъ недостатка, за то и прислуга священниковъ, въ значительно большей части случаевъ, замѣтно превышаетъ нравственностію прислугу другихъ домохозяевъ. Хотя бы этотъ примѣръ оставался для многихъ не замѣтнымъ, во всякомъ случаѣ онъ нуженъ для самаго священника, придавая твердость его словамъ, сказаннымъ не по одному требованію долга, но по ясному, утвержденному собственнымъ опытомъ, убѣжденію въ пользѣ внимательности къ прислугѣ.

Опираясь на собственномъ опытѣ, на сознаніи, что

онъ самъ прежде исполнилъ то, чему учить, священникъ можетъ смѣло убѣждать своихъ прихожанъ къ тому же. Иному покажется, что это слишкомъ мелочно, что священнику не стоитъ спускаться съ той высоты, на которую по большей части ставятъ себя духовныя лица въ официальныхъ разговорахъ, чтобы выѣшиваться въ мелочи домашней жизни. Къ несчастію, это понятіе о нуждѣ держать себя на известной высотѣ и, касаясь въ домашнихъ бесѣдахъ вопросовъ религіозныхъ, говорить о нихъ только съ догматической стороны, не прилагая ихъ къ жизни, часто служитъ причиною безуспѣшности и безплодности многихъ наставленій священника; еще чаще слова священника, говорящаго возвышенно, выслушиваются съ притворнымъ вниманіемъ, которое у многихъ служитъ только данью уваженія къ сану священника, исполняющаго, по ихъ понятію, свою обязанность такъ точно, какъ они исполняютъ свою, нисколько не отступая отъ своихъ убѣжденій.

Не то было бы, если бы священникъ съ религіозной точки зрѣнія обращалъ вниманіе своихъ прихожанъ на вопросы близкіе каждому, если бы онъ захотѣлъ и смѣлъ научить не отвлеченными общими фразами, а рѣчью живою и полною сердечнаго убѣжденія. Нельзя ручаться, конечно, чтобы подобное участіе священника, на первое время, многимъ не показалось внимательствомъ въ дѣла, его не касающіяся; но съ другой стороны не можетъ быть, чтобы искреннее слово священника, оживленное любовію христіанскою, осталось вовсе безплоднымъ. Удачный опытъ нѣсколькихъ семействъ показалъ бы другимъ всю пользу пастырскихъ наставленій въ дѣлѣ повидимому не важномъ. Пусть священникъ внушитъ своимъ прихожанамъ, что принимая, къ себѣ въ домъ нѣсколько лицъ изъ низшаго класса, платя имъ за услуги, они съ тѣмъ выѣстѣ

принимаютъ не только права, но и обязанности, что передъ судомъ Божиимъ съ нихъ, какъ съ болѣе просвѣщенныхъ, взыщется за гибель и единого отъ малыхъ сихъ. Пусть объяснитъ, что для исполненія этой обязанности господамъ нужно только постоянное, ровное, разумно—кроткое обращеніе съ своей прислугою, вниманіе къ ея нуждамъ не только тѣлеснымъ, но и духовнымъ, при удобномъ случаѣ доброе внушеніе, въ основаніи котораго лежало бы не одно сознаніе своего права, но вмѣстѣ съ нимъ искреннее желаніе добра прислугѣ; вмѣсто пустыхъ, часто отзывающихся пересудами разговоровъ, пусть добрый хозяинъ или хозяйка, хоть изрѣдка, объяснитъ своимъ слугамъ главнѣйшія истины христіанской вѣры, такъ утѣшительныя для тѣхъ, которые считаютъ себя осужденными на постоянно бѣдную долю въ жизни. Наконецъ пусть священникъ проситъ, требуетъ, чтобы господа не лишали прислугу возможности бывать чаще въ церкви. Въ одномъ нашемъ богослуженіи каждый не испорченный окончательно чело-вѣкъ найдетъ для себя и наставленіе и утѣшеніе и опору въ трудныхъ случаяхъ жизни еще скорѣе, нежели въ наставленіяхъ, прямо къ нему обращае-мыхъ другими людьми, говорящими отъ своего ума.

Внушая все это своимъ прихожанамъ, священникъ, конечно, долженъ подкрѣплять свои слова дѣломъ. Не тогда священникъ будетъ высокъ въ глазахъ своихъ прихожанъ, когда онъ будетъ говорить только о высокомъ, а тогда, когда, и говоря не много, самъ будетъ исполнять то, чему учитъ высокое; тогда, въ глазахъ самыхъ надменныхъ изъ его прихожанъ, добрый пастырь не увидитъ себя общеніемъ и продолжительными разговорами съ прислугой. Когда священникъ сознаетъ и захочетъ, не стѣсняясь ложными понятіями многихъ прихожанъ—господъ,

показать на дѣлѣ, что для него, въ качествѣ священника, равны всѣ прихожане, и господа и слуги (Гал. 3, 26—28. Ефес. 6, 8. 9. Кол. 3, 11), когда въ исполненіи пастырскихъ обязанностей онъ не будетъ полагать между ними различія; тогда и эти бѣдные слуги поймутъ, что и они люди, что не изъ страха или корысти, а по совѣсти должны исполнять свои часто тяжелыя обязанности (Ефес. 6, 5. 6).

М. Гуляевъ

МѢСТНЫЙ ОБЫЧАЙ ВЪ Г. БѢЛГОРОДѢ ВЪ ПРАЗДНИКЪ ПЯТДЕСЯТНИЦЫ (*).

Въ курской губерніи, въ уѣздномъ городѣ БѢлгородѣ, съ незапамятныхъ временъ существуетъ обычай водить по городу въ праздникъ Пятдесятницы такъ называемаго *нѣмчика*. Обычай этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: въ день Пятдесятницы вечеромъ, по захожденіи солнца, въ одной изъ частей города, называемой *жилою* и населенной по преимуществу бѣднѣйшимъ классомъ народа, дѣвицы низшаго городского сословія собираются въ какой нибудь домъ, и тамъ избравъ изъ среды себя одну дѣвицу, переодѣваютъ ее въ мужскую, самую безобразную одежду. Именно: на голову и лице ея надѣваютъ колпакъ, сдѣланный изъ бумаги и остроконечный, съ вырѣзанными мѣстами для глазъ, и намазываютъ его сажою, на плеча надѣваютъ одежду,

---

(*) Сообщено.

котсрой трудно дать собственное имя. Это бываетъ что-то похожее на длиннополый и широкій сюртукъ, составленный наскоро изъ кусковъ разныхъ матерій и спускающійся до колѣнъ поверхъ женскаго платья. Въ тоже время избираютъ мужчину лѣтъ 18-ти и переражаютъ его въ дѣвичье платье, на голову надѣваютъ такой же колпакъ бумажный, на плеча—женское платье, уже изношенное и отличающееся безобразнымъ покроемъ. Эти два лица и называются *нѣмчиками*. Потомъ обоимъ этимъ нѣмчикамъ даютъ въ руки кленовыя вѣтви, какими обыкновенно украшаются на Руси дома въ праздникъ Пятдесятницы, на головы ихъ налагаютъ вѣнки и въ такомъ видѣ *водятъ* по городу; при чемъ дѣвицы, сомкнувшись въ нѣсколько рядовъ, медленнымъ шагомъ ходятъ по улицамъ города и пискливыми голосами поютъ пѣсни, хлопая въ ладоши, а нѣмчики впереди этой толпы не то, что пляшутъ, а лучше скачутъ, прыгаютъ. или еще вѣрнѣе вертятся то на одной ногѣ, то на другой, потрясая въ воздухъ вѣтвями. Вокругъ ихъ собирается значительная толпа народа изъ молодежи, вниманіе которой бываетъ въ это бремя приковано преимущественно къ нѣмчикамъ и къ ихъ дѣйствіямъ. Такъ водятъ нѣмчиковъ три дня сряду, начиная съ перваго дня Пятдесятницы,—отъ сумерекъ и до поздней ночи. Пишущему эти строки не приходилось видѣть, чѣмъ оканчивается это вожденіе; говорятъ, что, по возвращеніи въ тотъ домъ, изъ котораго сдѣланъ выходъ, бываетъ угощеніе нѣмчиковъ и всего хоровода, а потомъ пѣніемъ пѣсень и плясками заканчивается вся эта потѣха.

Трудно опредѣлить время происхожденія этого страннаго обычая. Извѣстные наши собиратели русскихъ народныхъ обычаевъ: Сахаровъ и Терещенко, кажется, во все не знаютъ объ немъ. Въ сохранившейся до насъ одной

царской грамотѣ жителямъ Бѣлгорода, относящейся къ 1648 г., собственно и прямо о нѣмчикѣ не упоминается, хотя въ ней исчисляются многіе другіе обычаи, существующіе въ народѣ и доселѣ. Есть, впрочемъ, въ ней слѣдующее запрещеніе: „чтобы по ночамъ на улицахъ и на поляхъ богомерзскихъ и скверныхъ пѣсней не пѣли, и сами не плясали, и въ ладошки не били, и всякихъ бѣсовскихъ игръ не слушали... и личицъ на себя не накладывали (1)“. На основаніи этого намска можно думать, что уже въ 17 в. существовала въ Бѣлгородѣ какая-то народная игра, въ которой употреблялось накладываніе личицъ (маскированіе), хотя названіе нѣмчика этой игрѣ, какъ видно, еще не было усвоено. Въ томъ, что игра эта соединяется съ днями Пятдесятницы, нельзя не видѣть сходства ея съ подобными обычаями, существующими въ другихъ мѣстахъ Россіи. Именно: во многихъ мѣстахъ Россіи молодежь въ день Троицы избираетъ изъ среды себя мнимыхъ жениха и невѣсту, выходитъ съ ними въ поле, сопровождая шествіе пѣніемъ пѣсень, и, остановившись гдѣ нибудь въ рощѣ, завиваетъ тамъ вѣнки съ пѣснями и плясками. Вѣроятно, и нѣмчикъ первоначально былъ небольшою, какъ этотъ самый обычай, только въ послѣдствіи видоизмѣненный въ Бѣлгородѣ. Названіе же *нѣмчика* усвоено ему едва ли не со времени введенія въ Россію нѣмецкой одежды, и, можетъ быть, первоначально имѣло значеніе пародіи на пововодившуюся одежду, такъ какъ она долгое время возбуждала отвращеніе въ русскихъ. Въ противномъ случаѣ, т. е. если бы названіе *нѣмчика* существовало до Петра, въ царской грамотѣ онъ непременно былъ бы упомянутъ подъ своимъ собственнымъ именемъ.

---

(1) Опис. государств. Архив. стар. дѣлъ, Иванова.

Не менѣ трудно угадать первоначальное значеніе *нѣмчика*. Въ народѣ не сохранилось никакого сказанія о немъ. На вопросъ, что онъ значитъ, одинъ глубокой старикъ отвѣчалъ: „а ктожь его знаетъ, нѣмчикъ да и только.“ Въ пѣсняхъ, которыя поются при вожденіи нѣмчика, тоже не видно никакого приложенія къ нему; содержаніе ихъ подобно содержанію многихъ русскихъ пѣсенъ хороводныхъ и плавовыхъ. Въ прежнія времена, вѣроятно, съ нимъ соединялось какое нибудь вѣрованіе, или лучше сказать, суевѣріе, какъ и со многими другими народными обычаями и играми (¹). Но къ счастью, въ послѣднее время народъ забылъ о немъ. И можетъ быть, потому-то, что прежде съ нѣмчикомъ соединялось какое нибудь суевѣріе, народонаселеніе бѣлгородское, особенно низшее (высшее смотритъ на него, какъ на нелѣпную народную игру), питаетъ теперь какое-то темное отвращеніе отъ этого обычая. Именно: старые люди смотрятъ на него, особенно же на маскированье, какъ на что-то нехристіанское и даже діавольское; они думаютъ, что вообще маскирующие себя такъ много грѣшатъ, что для изглажденія этого грѣха нуждаются, какъ невѣрные, въ перекрещиваніи, или же по крайней мѣрѣ въ строжайшемъ покаяніи. Однако жъ, они и доселѣ позволяютъ молодымъ людямъ соблюдать этотъ обычай, по уступчивости старинѣ и по той общей мысли, что надо же имъ повеселиться.

Въ настоящее время этотъ обычай, утратившій свой первоначальный смыслъ, имѣетъ значеніе простонародной игры, и потому можетъ представляться довольно не-

---

(¹) Напримѣръ, съ обычаемъ завивать вѣнки соединялось гаданіе дѣвушекъ о своихъ суженыхъ, равно какъ въ народномъ праздникѣ кукушекъ нельзя не видѣть остатковъ древнихъ обычаевъ птицагаданія.

виннымъ, подобно многимъ другимъ народнымъ обычаямъ. Но не таковъ онъ на самомъ дѣлѣ. Прежде всего не хорошо то, что имъ оскорбляется святость одного изъ важнѣйшихъ празднествъ Христовой церкви— Пятдесятницы. Потому обращеніе древесныхъ вѣтвей, употребляемыхъ христіанскимъ обычаемъ въ воспоминаніе сошествія св. Духа, въ предметъ игры, шутокъ и нескромной забавы, не можетъ служить къ чести христіанъ. Правда, самъ народъ не сознаетъ этого и не предполагаетъ въ нѣмчикѣ кощунства надъ святынею; но это не можетъ служить извиненіемъ для самаго обычая и для соблюдающихъ его. Что церковь осватила и допустила въ домахъ христіанскихъ въ воспоминаніе какихъ нибудь священныхъ событій, то пусть и употребляется съ этою священою цѣлю, а не низводится въ рядъ игръ и забавъ житейскихъ.

Кромѣ сего, упомянутый обычай водѣть нѣмчика вредитъ чистотѣ нравовъ народа: это ночное ходеніе по улицамъ города, въ сопровожденіи толпы всякаго рода людей совсѣмъ не такъ повинно, какъ представляется съ перваго взгляда. Такъ называемые „молодцы“ (молодые люди изъ мѣщанскаго круга) позволяютъ себѣ при этомъ шалости, заводятъ интриги, которыя могутъ оканчиваться вредными послѣдствіями для семействъ. И не даромъ въ послѣднее время зажиточнѣйшіе изъ мѣщанъ и лучшіе по нравственности не допускаютъ своихъ дочерей къ участию въ этомъ нелѣпомъ нѣмчикѣ. Они весьма справедливо разсуждаютъ, что этотъ обычай не можетъ вести ни къ чему доброму. Посему то въ послѣднее время участіе въ немъ принимаютъ только бѣднѣйшіе изъ мѣщанъ, которые ради всякому случаю повеселиться, не разсуждая о послѣдствіяхъ. Вообще надобно сказать къ чести жителей Бѣлгорода, что въ послѣднее время они стали выка-

зывать меньше сочувствія къ пѣмчику. Это видно изъ того, что они уже въ меньшемъ количествѣ собираются для сопровожденія его, предоставляя это только своимъ дѣтямъ; и сами дѣвицы теперь уже очень не въ большомъ количествѣ водятъ его. Притомъ самое вожденіе его совершается теперь не по всему героду, какъ это было прежде, по рассказамъ стариковъ, только по улицамъ одной части его. Но все—таки обычай существуетъ, хотя не въ такой силѣ, какъ прежде, и къ совершенному уничтоженію своему вызываетъ содѣйствіе со стороны тѣхъ, на коихъ лежитъ обязанность заботиться о народной нравственности.

Мѣстное духовенство въ прежнія времена не оставалось безмолвнымъ зрителемъ сего, равно какъ и многихъ другихъ обычаевъ мѣстныхъ. Упомянутая нами выше царская грамота дана жителямъ Бѣлгорода отъ государя Алексея Михайловича именно по представленію московскаго патріарха, отъ котораго тогда зависѣлъ Бѣлгородъ въ епархіальномъ управленіи. А въ ней предписывалось „чтобы скомороховъ съ *домрами* и съ *гусли*, и съ *волынками*, и со всякими игры, и ворожей, и мужиковъ и бабъ къ больнымъ и ко младенцамъ въ домъ къ себѣ не призывали; и въ первый день луны, и въ громъ на водахъ не купались, и съ серебра по домамъ не умывались, и олова и воску не лили, и зернью, и карты, и шахматы и *ладыгами* не играли, и мѣдвѣдей не водили, и никакихъ бѣсовскихъ дивъ не творили, и на бракахъ пѣсней бѣсовскихъ не пѣли, и никакихъ срамныхъ словъ не говорили, и по ночамъ на улицахъ и на поляхъ богомерзскихъ и скверныхъ пѣсней не пѣли, и сами не плясали, и въ ладоши не били, и всякихъ бѣсовскихъ игръ не слушали, и кулашныхъ боевъ межъ себя не дѣлали, и на качеляхъ никакихъ не качались, и на доскахъ не скакали, и личинъ на себя не накладывали, и

кобылокъ бѣсовскихъ и на свадьбахъ безчинства и сквернословія не дѣлали.“ Кто, не смотря на это положительное запрещеніе, сталъ бы участвовать въ богомерзскихъ и *чародѣйныхъ* играхъ, какъ назывались они (1), того грозили бить батогами и ссылатъ въ украинные города за *опалу*. Въ настоящеее время духовенству тѣмъ легче было бы дѣйствовать на искорененіе этого обычая, что, какъ мы сказали, самъ народъ сознаетъ его вредъ и перестаетъ питать къ нему сочувствіе.

---

(1) Значить, со многими изъ исчисленныхъ обычаевъ соединялись различныя суевѣрія, волхвованія и проч.

ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА ВЪ М. МОШНАХЪ. (¹)

Мошенская приходская школа основана въ 1847 г., по распоряженію владѣльца имѣнія, кв. М. С. Воронцова и на его же счетъ. Она занимаетъ довольно большой домъ, въ одной половинѣ котораго помѣщается учитель школы, а въ другой чрезъ сѣни — собственно училище.

Учитель школы есть виѣстѣ и регентъ хора пѣвчихъ, содержимыхъ на счетъ владѣльца для приходской церкви.

Поступаютъ въ школу дѣти не только жителей м. Мошень, но и другихъ селъ принадлежащихъ тому же владѣльцу. Кромѣ крестьянъ обучаются, по желанію, и дѣти вольныхъ обывателей м. Мошень, равно и дѣти духовнаго званія, особенно причетническіе; вообще въ эту школу принимаютъ всякаго, кто захочетъ учиться.

(¹) Сообщено священ. Львомъ Крамаренковымъ.

Въ школъ не опредѣленъ непремѣнный срокъ для ученія. Судя по обстоятельствамъ, нѣкоторые мальчики оставляютъ школу, обучившись только чтенію славянскому и русскому, молитвамъ и начаткамъ чистописанія. Болѣе способные продолжаютъ свое ученіе долѣе, и такимъ преподается законъ Божій, русская грамматика, ариѳметика и чистописаніе. По большей части учатся долѣе тѣ, которые находятся на содержаніи владѣльца. За право ученія родители не платятъ ничего; книги даются всѣмъ мальчикамъ безмездно. Десять мальчиковъ изъ крестьянскихъ дѣтей—сиротъ постоянно находятся на полномъ господскомъ содержаніи; имъ дается пища, одежда, обувь, книги и бумага; помѣщаются они тутъ же, при школъ, въ особенной комнатѣ.

Главное наблюденіе за школою и преподаваніе закона Божія составляетъ обязанность приходскаго священника; первоначальнымъ обученіемъ грамотѣ, преподаваніемъ русской грамматики и чистописанія занимается учитель школы; ему же ввѣренъ постоянный надзоръ за мальчиками въ школъ. Для облегченія учителя преподаваніе ариѳметики поручено діакону приходской церкви. Священникъ и діаконъ занимаютъ въ школъ безмездно, а учитель получаетъ отъ экономической конторы жалованья 110 р сер., квартиру при школъ и хлѣба 85 пудовъ, кромѣ того пользуется прислугою, назначенною для школы.

Въ лѣтнее время мальчики, по желанію родителей, оставляютъ на время ученіе, чтобы заняться полевыми работами; потому въ зимнее время, болѣе свободное отъ хозяйственныхъ работъ, мальчиковъ въ школъ бываетъ больше, а лѣтомъ меньше.

Въ нынѣшнемъ году, до праздника Пасхи было въ школъ мальчиковъ 48, а теперъ 35.

Предъ праздниками Рождества Христова и свѣтлаго Воскресенія, а также предъ отпускомъ на лѣтнія работы, въ юнѣ мѣсяцѣ, производится испытаніе мальчиковъ, въ присутствіи главноуправляющаго имѣніемъ, или его помощника, а иногда и мѣстнаго благочиннаго. Въ награду за успѣхи и благонравіе и въ поощреніе даются мальчикамъ книги, принаровленные къ ихъ быту и состоянію. По выходѣ изъ школы, способные мальчики, особенно изъ сиротъ, опредѣляются писарями въ главное вотчинное управленіе, вотчинную контору и въ экономическія конторы, гдѣ производится имъ приличное содержаніе. Обучавшіеся въ школѣ на господскій счетъ не обязываются непременно служить въ томъ же имѣніи; имъ предоставляютъ право поступать, куда кто можетъ, по своему желанію и способностямъ. Въ сахарныхъ заводахъ Яхненка и Гр. Бабринскаго есть уже нѣсколько дѣльныхъ писарей и мастеровъ изъ мошенской школы, получающихъ довольно порядочное содержаніе

Нельзя не пожелать, чтобъ и въ другихъ мѣстахъ благословенной Россіи крестьяне встрѣтили такую же заботливость своихъ владѣльцевъ; тогда великая задача правительства — образованіе народа, при помощи Божіей, рѣшалась бы легче и скорѣе.

Печатать дозволяется. Кіевъ 1860 г. Мая 24 дня Ценсоръ,
Священникъ А. Колосовъ.